

Гребенник Г.П.

к.и.н., профессор кафедры истории и мировой политики
Одесского национального университета им. И.И. Мечникова

СУД НАД СОКРАТОМ, ИЛИ КОЕ-ЧТО О ДЕМОКРАТИИ ПО СУЩЕСТВУ

Аннотация. В статье автор вносит свой вклад в интерпретацию коллизий самого громкого в древней истории процесса над диссидентом. По его мнению, суд над Сократом имеет архетипическое значение для современной демократии. Поэтому анализ его уроков является по-прежнему актуальной задачей.

Ключевые слова: демократия, свобода, суд, сократизм.

1. Постановка задачи.

Демократия... Это слово произносится чаще других. Утверждается: это благо, высшая ценность, политический идеал. Альтернативы нет и прочее в духе концепции «конца истории»: мол, открыли конечную форму политического общежития.

Неужели? История учит, что все имеет свой исток, расцвет, упадок и смерть. Вино неизбежно перегоняется в уксус. Тысячи лет люди не глупее нас (поставьте себя рядом с Аристотелем, Фомой Аквинским, или, например, Гоббсом) считали демократию «неправильной», второразрядной формой правления. Значит все дело в историческом содержании, формой которого является демократия. А оно, это историческое содержание, по определению преходяще. Изменится содержание, и демократия станет анахронизмом. Да и внутри самой этой формы все время осуществляется процесс направленной эволюции. Есть демократия и демократия. Например, афинскую демократию эпохи Перикла великий Аристотель назвал *политией*, суть которой он определил как смешение олигархии с демократией (*Аристотель*. Политика IV, 1293b3035). В дальнейшем афинская полития эволюционирует в то, что Аристотель классифицировал как *пятый вид демократии* (Политика IV 1292a5). Для нее характерен демократический радикализм, поскольку взаимное ограничение элиты и народных масс сломлено в пользу разгульной, безответственной толпы, черни. Сократа судила именно такая демократия.

На примере Афинской республики мы видим, как демократия, не теряя внешних признаков, может выродиться во что угодно, например, в демократический тоталитаризм или либеральный фашизм. Есть немало признаков того, что современная демократия вступила в полосу своего

упадка, аналогичный тому, какой переживала демократия Афинской республики в IV веке до н. э. Приходится констатировать, что глобализм как проект создания планетарного сверхобщества требует таких практик властвования, которые несовместимы с традиционной буржуазной демократией и доводят до максимума меру несоответствия между идеологическими брэндами демократии и политической практикой мировых центров власти.

Впрочем, если вести разговор о демократии предметно, то нужно говорить конкретно. Конкретно я хочу говорить о суде над мудрецом Сократом. Он, как утверждает К. Поппер, был истинным демократом. Демократия осудила сократа на смерть за его убеждения и образ жизни. Не правда ли, это странно?

О суде над Сократом писано-переписано. Был даже создан особый жанр «Апология Сократа», в котором упражнялись весьма неслабые умы. Конечно, первыми в этом списке идут ученики Сократа Платон и Ксенофонт. Особенно принято считаться с платоновской версией суда над Сократом. Современный грек Костас Варналис в своей «Подлинной апологии Сократа» (1933) писал: «Те якобы подлинные «апологии», которые написали его друзья и ученики, все — плод фантазии, жалкие попытки доказать, будто Сократ был невиновен, будто Закон был прав, а судьи были добрые и честные афиняне, допустившие ошибку; и будто во всем повинны только трое подлецов, которые преследовали беднягу» [2]. Действительно, платоновская «Апология» это не стенограмма суда, а литературное, я бы сказал, художественное произведение по мотивам суда, имеющее своей целью воздействовать определенным образом на современников и, особенно, потомков. Отсюда выдержанный, политкорректный тон и образ кроткой, несчастной жертвы судебного произвола. Соглашусь с точкой зрения Варналиса, что на самом деле все было значительно brutальнее. Суд был настоящей корридой, где тореадор Сократ размахивал красной тряпкой перед бычьим правосудием. Кто-то кого-то должен был обязательно прикончить.

Не будем вдаваться в споры, кем был исторический Сократ «на самом деле». Важно

другое: современники Сократа Платон и Ксенофонт правильно сформулировали «проблему Сократа» он оказался белой вороной, которую заклевала стая. Его смерть трагически обозначила конфликт между демократией и свободой.

Ясно, что мы имеем дело с одним из тех уроков, который был преподан человечеству на века. Ясно и то, что острота конфликта между личностью и обществом была достигнута благодаря бескомпромиссности и принципиальности Сократа. Если бы он рассуждал на манер современных либералов, что жизнь человека дороже любых принципов, а своя тем паче, то суд над ним не состоялся бы. Он, подобно своим предшественникам Протагору и Анаксагору, покинул бы Афины до суда и благополучно дожил свой век на чужбине. Но тогда Сократ не был бы для нас тем *самым Сократом*. Думать иначе все равно, что полагать, будто христиане чтят бы своего Бога, несмотря на то, что в его биографии отсутствовали бы факты распятия и воскрешения.

В этой статье автор вносит свой вклад в интерпретацию коллизий этого самого громкого в древней истории процесса над диссидентом, выявляя его архетипическое значение для судеб современной демократии.

2. Вина Сократа.

Именно на суде уличный философ Сократ вырос в гигантскую фигуру, *всемирно-историческую личность* (Г. Гегель). Поняли ли афиняне, о чем Сократ говорил на суде? Чего он добивался для себя и для них?

На специфику понимания права в античном полисе указал О. Шпенглер. Он писал: «Античное право — это право тела, или эвклидова математика общественной жизни...» [12, с. 69]. На этой культурной интуиции в рамках полиса возникает как само собой разумеющееся понятие *личности (персоны)*. Персона — это тело, принадлежащее фон-ду полиса и в силу этого пользующееся его защитой. Сократ же добивался для себя права единицы, не принадлежащей фонду полиса, а единицы, принадлежащей себе самой в силу ее внутренней автономии. Он потребовал для себя невиданного в Древнем мире — прав человека! Это — явное нарушение не просто какого-то закона Афинского государства, а принципа, на котором завязано право как таковое. Факт преступления налицо.

Впрочем, сформулировать это обвинение так, как это делаем мы, афиняне не могли. Сократу предъявили стандартное обвинение в преступлении против государственной религии и развращении молодежи путем опасных, подрывающих государственную дисциплину, бесед.

Инициатор суда Мелет потребовал для него смертную казнь, то есть представил его злейшим врагом государства.

Сократ, конечно, вел «антиобщественный» образ жизни, но он был уникален. Другого такого не было. Поэтому демократия его терпела как маргинала в течение четырех десятилетий, а иногда и потешалась над ним на комедиях Аристофана. Безбожник? еретик? кощунник? Право, это пустяки. Главная вина Сократа в том, что он мыслепреступник: «О боги, да этот человек говорит то, что думает! А думает он не то, что другие». Особенно опасно то, что к нему прислушиваются дети. Они дерзят отцам. Он в их глазах выглядит авторитетнее лучших людей города. Это недопустимо. Он, конечно, знаменитый на всю Элладу чужак, но и его чудачествам есть предел. Не такие, как он, склонили голову перед правосудием афинского народа.

Сократ был народен и элитарен одновременно. Это — сложная для политических мозгов комбинация. В конце концов, он оказался врагом и либералов-софистов, и аристократов-консерваторов. Но на роль врага государства он явно не тянул. Скорее всего, здесь имела место личная месть, под которую искусственно подогнали весь спектр обвинений в неблагонадежности. Иначе нельзя было требовать смертной казни. Да и высшую меру требовали ради того, чтобы в конечном итоге суд приговорил престарелого мудреца к изгнанию из города. Был точно выбран момент — после свержения тирании Тридцати, связь с которой приписывали Сократу, и общественное настроение — пострадавшие от террора люди и родственники убитых и ограбленных искали повод разрядить свое мстительное чувство. Атака шла на человека, который нес в себе либеральное наследие «золотого века Перикла». И повели ее люди, точно знавшие, что судить Сократа будут дети, мечтающие избавиться от врача, прописывающего им горькое лекарство.

Справедливый приговор или нет — в таком ключе обсуждали сограждане вину Сократа. Между тем проблема, которая дала о себе знать на суде, лежала глубже понимания участников этой драмы. И здесь можно говорить о «вине» Сократа так, как это делал Гегель, ставя это слово в кавычки. Когда Сократ выдвинул гносеологический принцип познания истины в качестве закона существования человека и общества, в качестве единственного закона объективного мира, то он тем самым вступил в непримиримый и неустранимый конфликт с обществом и государством-полисом. Плохо это или хорошо, но человек не способен жить только одной разумной частью души. Это противно человеческой природе. Интересы, ценности и страсти

участвуют в принятии решений не в меньшей, а чаще и в большей мере, чем рациональное начало.

Чтобы интеллектом пользоваться правильно, нужно ограничить ему возможность принимать решения объективными условиями существования социума. Но дело в том, что Сократ дал интеллекту исключительное право создавать нужные для себя условия на пустом месте, из политического воображения. Яркий тому пример — конструирование платоновским «Сократом» идеального государства. Такой подход порождает утопическое мышление. Утопизм Сократа подпитывал его максимализм. В результате он уперся в границу античной демократии дальше этого предела она развиваться не могла, даже если бы хотела. Она не могла положить себе законом право свободной мысли, ибо это на практике означало отказ от всей корневой системы, от богов, обычаев, традиций, порядков, мифов, в общем, от всего того, что формирует идентичность. Это совершенно невозможно требовать от людей.

Очевидно, прогресс в истории не может осуществляться чисто логическим путем, по законам абстрактного, чистого разума. Скорее логика истории диалектическая: она развивается поэтапно фазами отрицания. При этом не всякая свобода объективируется, а лишь та, которая в данный момент не угрожает исторической форме целостности, та, которая совместима с ней, работает на ее самосохранение.

Сократ жил с *чувством миссии*, которое по своей природе было религиозным. Он верил в свое божественное предназначение быть совестью Афин. Он один проделывал ту работу критики и самокритики, которую должно было проделывать все общество, чтобы предохранить демократию от вырождения и разложения. Афинские политики потакали своим согражданам, превратили их в детей, которые хотят все время сладкое. Паразитизм массы и утрата чувства ответственности и самокритичности у политических лидеров — вот две причины, которые запустили процесс вырождения афинской демократии.

Как известно, в ответственные моменты жизни Сократ начинал слышать «внутренний голос». Это личное божество даймон давало ему четкий совет, как не надо поступать. По отношению к афинскому народу Сократ играл ту же роль «внутреннего голоса». Именно этим, на мой взгляд, во многом объясняется его дерзкое поведение на суде, как будто в него вселился дух, превративший его в оракула. Он настойчиво убеждал афинян не убивать его ради их же блага. Он почти угрожал им: «...если вы меня такого, как я есть, убьете, то вы больше повредите себе, нежели мне» (*Платон*.

Апология Сократа, 30 cd). Он не боялся смерти, но был убежден, что боги накажут неразумных афинян. Возникает вопрос: кто кого судил? Получается, в лице Сократа История вынесла свой вердикт афинской демократии, но таким образом, что приговор мудрецу стал приговором мудреца. История в античном одеянии Немезиды вступила в свои права. Ее кара превратила некогда величайший полис, «школу всей Эллады», в заурядный город, население которого погрязло в дрязгах и собственном эгоизме.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Сократа судили за антигосударственную деятельность, а он всю свою жизнь работал в русле того политического идеала свободной, ответственной и патриотичной личности, который с таким блеском высказал в своей знаменитой похоронной речи Перикл. Отказ Афин от этого идеала был явным признаком упадка демократии.

Совершенно справедливо немецкий историк философии Г. Кун назвал Сократа «последним гражданином» [8, с. 149]. На деле положение было еще сложнее. Его уловил Г.Ф. Гегель. По его словам, «сам Сократ еще выполнял свои обязанности как гражданин, но для него истинным отечеством был мир мыслей, а не это существующее государство и его религия» [3, с. 293]. На мой взгляд, это не совсем так, но схвачено главное: внутри самого Сократа жило и развивалось противоречие, боролись два антагонистических стремления. Если верить платоновскому «Критону», Сократ в ожидании исполнения смертного приговора мучительно обдумывал это противоречие и в конце концов решил его в пользу Государства и его Законов. Таким образом, он признал справедливость судебного приговора, то есть свою вину. И это несмотря на то, что он одержал моральную победу на суде и продолжал настаивать на том, что невежественное большинство не может быть судьей в его деле.

В суде над Сократом была проиграна модель конфликта прогрессивного индивида и остановившегося в своем развитии, «зачарованного» общества. Общество загасило свечу Сократа, но это была пиррова победа, поскольку в отличие от человека принцип, который в своей личности воплощал Сократ, нельзя было убить. Он продолжал работать, рвать на куски, раскалывать в щепки ставшую анахронизмом историческую форму полиса.

3. Уроки Сократа.

Суд над Сократом приобрел архетипическое значение. Это поединок героического одиночки, рыцаря духа с бездуховной человеко-массой, «охлосом». У нас придумали эквивалент — «быдлос» и применяют его, конечно, не по

отношению к древним грекам. Можно ли винить большинство в том, что оно не увидело, не распознало в Сократе человека будущего? Нет, конечно. Оно потому и большинство, что лишено творческого начала. Отсюда формула «не ведают, что творят».

У нас есть святые и подвижники, но «мы», масс-человеки, предпочитаем внимать политическим демагогам, шоуменам, телезвездам и прочим нравственным уродам, а когда с «нами» случается что-то очень плохое, то виноватыми делаем не себя, а Сократа или Маркса, или еще кого-нибудь, кто пытался сделать человечество на голову выше, а «мы» упорно становимся на четвереньки, потому что так надежнее, стабильнее.

Сократ не для толпы, не для «нас», а для тех единиц, которые культивируют жизнь в отдельности. Проблема Сократа — это проблема идеалов. Если идеалы нужны людям, то нужен и Сократ, если нет, то о нем можно забыть. Но почему-то не забывают...

Урок Сократа: если в демократическом обществе проблемы морали отходят на задний план или вообще игнорируются, если ложь от правды не отличают или, более того, выдают за правду, если «ценности» prostituteуются или используются как оружие в политической борьбе, то суд Истории не замедлит ему вынести вердикт.

Сократ столкнулся с тоталитаризмом демократической толпы, а это нам очень знакомо. Один из самых глубоких мыслителей Запада Алексис де Токвиль еще в первой половине XIX века писал о податливости демократических обществ к особой форме угнетения, которой он даже слово подобрать не смог. Опасность проистекает из того, что в этих обществах преобладает личный интерес, и люди замкнуты в узком индивидуализме, «тратят свою жизнь в неустанных поисках маленьких и пошлых радостей». Власть поощряет эту тенденцию [11, с.497]. Очевидно, А. Токвиль описывает симптомы той же самой болезни, которая поразила позднеантичную демократию, убившую своего мудреца. Более того, французский мыслитель указал на психологию демократического избирателя, который успокаивает себя тем, что своего хозяина избрал сам и что цепь, который он приковал себя, находится в руках не одного человека и даже не целого класса, а всего народа. «При такой системе, меланхолично замечает А. Токвиль, граждане выходят из зависимости лишь на момент избрания своего хозяина, а затем вновь попадают в нее» [Там же]. Напрашивается вопрос: а что хозяин настолько глуп и ленив, чтобы не проконтролировать тот самый единственный момент?

Демократия как ее понимали древние греки — это коллективная машина угнетения рабов и прочих неграждан. К свободе это не имеет прямого отношения. Но чтобы создать машину самоугнетения и убедить всех, что это свобода... До такого простодушный эллинский ум дойти не мог. Вот тут мы утерли нос Аристотелю! Знаменитая сократовская ирония блекнет в сравнении с иронией автора лозунга «За свободные и честные выборы!».

Чего боится философ? На этот вопрос А.М. Пятигорский ответил так: «Он боится двух вещей — прекращения собственного мышления, или смерти. И еще он боится такого фона лжи, такой звуковой, фоновой стены лжи, через которую ему не пробиться. Иногда этот фон лжи сильнее, и она ведь проявляется иногда в самых невинных мыслях. «А мы думали...». А ты разве думал когда-нибудь, а, рыло грязное?!» [10].

У нас сегодня многие думают, что они думают. Они лгут себе. Фон лжи создает не столько государство, сколько «народ», состоящий из множества тысяч, а иногда и миллионов молекул, резонирующих как один в такт речевок своих вождей. И вот на этом фоне появляется человек, который с завидной самоуверенностью утверждает: «Я поставлен богами, чтобы напоминать вам, что есть на свете правда. Вы лжете, что большинство никогда не ошибается и виновным не бывает. Бывает. Дрезденские ковровые бомбардировки в том порука».

Когда Грэм Грин заявляет, что «подлинный долг [писателей] перед обществом — быть крупинками песка в государственной машине» [5, с. 12], это — сократизм. Когда Александр Зиновьев говорит: «Я есть суверенное государство из одного человека» [6], он обнаруживает свой сократизм. Быть государством в единственном числе — это невероятное мужество. Над тобой нависают «грязные рыла» со своими прослушками и «ценностями» и требуют, чтобы ты немедленно присоединился к их миллионным человеко-массам, к их социальным сетям, выбрал бы себе одну из партий, за которыми скрывается хитроумный хозяин, и заработал досье с номером. А ты один против всех, кто покушается на твое право вести свой собственный диалог с Богом. Потому что отказаться от самоопределения, значит умереть, не прекратив физического существования. Вот что такое сократизм.

А.И. Герцен произнес о Сократе вещие слова: «он осмелился поставить истину выше Афин» [4, с. 164]. Герцен сам был из этой когорты. И Чаадаев, и Толстой, и Солженицын... По аналогии вспоминается еще один герой — философ Мераб Мамардашвили, этот грузинский Сократ,

публично заявивши: «Я истину ставлю выше моей родины, и у меня возникает вопрос: многие ли грузины способны поставить истину выше видимого интереса своей родины? А если не могут, то они плохие христиане» [7]. Там, где личность бросает вызов эгоистическим инстинктам народа или государства, — там в той или иной форме воспроизводится модель суда над Сократом.

В начале статьи автор обратил внимание на странность ситуации с демократией и Сократом, но не пояснил, в чем она. Уж, конечно, не в том, что демократия убила демократа. Странно то, что западные идеологи чтят Сократа и в то же время превозносят демократию. Логично было бы сделать выбор между ними. К. Поппер понимал эту странность и попытался снять ее определением античного общества как закрытого. В закрытом обществе демократия ведет себя как испорченный пулемет — стреляет по своим. Ну, а чем тогда объяснить, что современная западная демократия преследует своих правдолюбцев и разоблачителей? А может ей, как и во времена Сократа, не хватает добродетелей? Поэтому она такая же лицемерная, самодовольная и нетерпимая к своим критикам. И если мы живем в таком же по качеству обществе, в котором жил Сократ, то где гарантия, что это общество не убивает тем или иным способом своих ныне живущих Сократов?

Демократия как политический механизм проблематична на той стадии эволюции, на которой она мобилизует свои институты на борьбу с «возмутителями спокойствия», с теми личностями, которые в силу их мощного самоопределения живут с задачей преобразования общества. Это еще один урок Сократа.

Есть одно слово, которое составляет конкуренцию слову «демократия» и легко в ней побеждает. Это слово — «деньги». Деньги для Запада — все. Теперь и у нас тоже. Ради денег «рыцари» западной цивилизации колонизировали целые континенты, вывозили рабов из Африки, снимали скальпы с американских индейцев и вели нескончаемые войны «за свободу и демократию». Впрочем, прошедшее время тут неуместно.

Мудрец Сократ нашел формулу счастья и процветания. Вот она: «...не от денег рождается добродетель, а от добродетели бывают у людей и деньги, и все прочие блага как в частной жизни, так и в общественной» (Платон. Апология Сократа 30b). Осталось только найти то общество, которое этой формулой сумеет воспользоваться. Только нас в расчет брать не стоит.

Литература

1. Аристотель. Соч. в 4-х томах. — Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. — М.: Мысль, 1984. — 830 с.

2. Варналис К. Подлинная апология Сократа: о том, как это происходило [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ihavebook.org/books/310222/podlinnaaya-apologiya-sokrata.htm> (дата обращения: 21.06.2015).

3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Пер. А. М. Водена. - СПб.: Наука, 1993, 2000. — 480 с.

4. Герцен А.И. Письма об изучении природы // Избранные философские произведения: в 2-х томах. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1948. — 371 с.

5. Грин Г. Доблесть нелояльных. Речь на вручении Шекспировской премии в Гамбургском университете, 1969 г./Пер. В. Гольшева // Иностранная литература. — 2014. — № 5. — С. 12-16.

6. А.А. Зиновьев: «Я бунтую и восстаю против лжи». Интервью [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://old.svetgrad.ru/2009/02/ya-buntuyu.php> (дата обращения: 30.10.2015).

7. Мамардашвили М.К. Философия действительности. Интервью [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mamardashvili.ru/index.php?texts/interwiev/deystvitelnost.htm> (дата обращения: 05.07.2015).

8. Нерсесянц В.С. Сократ. — М.: Наука, 1977. — 153 с.

9. Платон. Соч. в 3-х томах. — Т. 1 / Пер. с древнегреч.; ред. и вступит. ст. А.Ф. Лосева. — М.: Мысль, 1968. — 623 с.

10. Пятигорский А.М. Кому нужен Сократ Интервью 11.06.2006 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.babr.ru/print.php?IDE=31339> (дата обращения: 10.09.2015).

11. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. — М.: Прогресс, 1992. — 554 с.

12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. — Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. — М.: Мысль, 1998. — 606 с.

Гребенник Г.П. Суд над Сократом, або дещо про демократію по суті. — Стаття.

Анотація. В статті автор вносить свій вклад в інтерпретацію колізій найгучнішого в Стародавній історії процесу над дисидентом. На його думку, суд над Сократом має архетипичне значення для сучасної демократії. Тому аналіз його уроків є і на цей час актуальною задачею.

Ключові слова: демократія, свобода, суд, сократизм.

Grebennik G.P. The trial of Socrates, or something essential about democracy. — Article.

Summary. In the article the author has made a contribution to the collisions interpretation of the loudest trial of a dissident in the Ancient History. In his opinion, the trial of Socrates has the archetypical significance for the modern democracy. Therefore the analysis of its lessons is an actual task still.

Key words: democracy, freedom, court, socratism.